

УДК 323.325(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ
В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1915 – ЗИМА 1916 Г.)**

В статье показано положение сельского хозяйства и промышленности Беларуси в период со времени отступления русской армии летом 1915 г. до конца 1916 г. Обращено внимание на ход, особенности и последствия эвакуации материальных ценностей для сельского хозяйства и промышленности. Отмечены мероприятия военных и гражданских властей по снабжению Западного фронта продовольствием и средствами армейского жизнеобеспечения в конце 1915 – начале 1916 г. Отражена государственная политика в области обеспечения помощи фронту со стороны местного населения. Приведены данные о тенденциях развития сельского хозяйства и промышленности в 1916 г. в Беларуси.

Ключевые слова: сельское хозяйство, промышленность, Беларусь, Западный фронт, Минский военный округ, Двинский военный округ, реквизиция, трудовая повинность.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**THE SITUATION OF AGRICULTURE AND INDUSTRY IN BELARUS
IN THE CONDITIONS OF WAR (SUMMER 1915 – WINTER 1916)**

The article focuses on the agricultural and industrial situation in Belarus in the period of the summer of 1915 (Russian army's retreat) to the end of 1916. The process of material assets evacuation as well as its features and consequences for agriculture and industry are considered. Moreover, the article tells about military and civil authorities' activity on supplying the Western front with food products and life support packages from the end of 1915 to the beginning of 1916. The author sums up the public policy in the field of assisting the front on the part of local population and gives the data on agriculture and industry trends in Belarus in 1916.

Key words: agriculture, industry, Belarus, Western front, Minsk territorial department, Dvinsk territorial department, requisition, civilian duty.

Введение. Затянувшееся участие России в мировой войне не могло не отразиться на развитии экономики страны. В первую очередь его негативные последствия затронули близкие к театру военных действий окраины империи. В каком положении оказалось сельское хозяйство и промышленность Беларуси в 1915–1916 гг. и какие последствия имели мероприятия власти по их подчинению интересам обороны, явствует из данной статьи.

Основная часть. Еще с начала войны участвовавшие мобилизации военнообязанных в Беларуси стали отражаться на нехватке рабочей силы, прежде всего, в деревне. И, как следствие, часть посевных площадей осталась незасеянной. А с привлечением крестьян к трудовой повинности на нужды обороны у них возникали разного рода хозяйственные трудности. Тем не менее внимание главного начальника снабжения Северо-Западного фронта генерала Н. Данилова и главного начальника Минского военного округа генерала Е. Рауш-фон-Траубенберга неизменно привлекали необходимые действующей армии сельскохозяйственные продукты, производимые местным населением, и в

первую очередь – мясо. Так, в целях регулярного поступления скота для фронта военными властями вменялось в обязанность минскому губернатору А. Гирсу и уездным предводителям дворянства создание соответствующих реквизиционных комиссий [1, с. 820]. По мнению генерала Н. Данилова, высказанному в апреле 1915 г. на заседании в Ставке, единственным источником поступления мяса «является реквизиция местного скота в пределах театра войны» [2, с. 158].

Следует отметить, что на начальном этапе войны все аграрии, как крупные землевладельцы, так хуторяне и отрубники, прилагали все усилия по выполнению возложенных на них обязанностей по оказанию помощи фронту. Со своей стороны государство в лице Департамента земледелия даже в условиях дефицита бюджета продолжало субсидировать открытие прокатных и зерноочистительных пунктов, улучшение пород скота, пропаганду много-польной системы севооборота и т. д. [3, л. 3].

По словам М. Довнар-Запольского, «тяга в крестьянской среде к новым формам землеустройства была значительной». К 1 января 1916 г.

число подворников, отрубников и хуторян в Витебской, Минской и Могилевской губерниях составляло (соответственно) 33,8; 8,4 и 14,6% и продолжало увеличиваться [4, л. 73].

Что касается промышленности и ремесел, то их состояние в Беларуси к лету 1915 г. по ряду главных показателей стало меняться к лучшему. После того как количество деревообделочных, стекольных, кирпичных и т. д. заводов сократилось, некоторая часть рабочих нашла себе занятие на предприятиях Всероссийского земского союза (ВЗС). Полезное фронту кожевенно-обувное производство было налажено на 37 предприятиях, в том числе на двух минских и трех витебских фабриках [5, с. 42, 71, 84]. К указанному времени в Минской губернии действовал приказ А. Гирса, в соответствии с которым каждый мастер-сапожник был обязан «изготавливать сапоги, хотя бы по две пары в неделю» на нужды армии [6, л. 7].

Местные отделения Центрального военно-промышленного комитета (ВПК) также были заняты выполнением военных заказов, размещая их на местных предприятиях. Так, 3 июля 1915 г. минский завод товарищества «Якобсон и Лифшиц» перешел в ведение Второй подвижной починочной мастерской артиллерийского ведомства [1, с. 820]. С конца лета оборонные заказы выполняли: лесопильный завод в Речицком уезде, фанерный завод в Мозыре, механический завод, а также кожевенный и пекарно-сухарный заводы [1, с. 809]. По словам фабричного инспектора А. Алексева, «в течение первой половины 1915 г. промышленность губернии заметно оправилась и оживилась» [1, с. 813]. Однако летом-осенью полностью воспользоваться благами сельского хозяйства и промышленности Беларуси не удалось ни местному населению, ни государству. С усилением натиска со стороны кайзеровских войск на Северо-Западном (с августа – Западном) фронте русская армия, кроме своих прямых обязанностей, была вынуждена эвакуировать население и материальные ценности вглубь империи.

Эвакуация охватила и самих жителей, вынужденных продать интендантам лошадей, скот, запасы продовольствия и собранный урожай. Часто в одном направлении с беженцами передвигались стада скота. Генерал Н. Данилов дал распоряжение «набирать погонщиков для скота принудительно на тех же основаниях как рабочих для рытья окопов» [7, с. 178]. Он же отдал распоряжение губернаторам «направлять племенной скот вглубь России, причем “не гоним”, а по железной дороге» [7, с. 315].

Несмотря на огромные потери скота при прогоне гуртов от линии фронта, в целом местные власти справлялись с потоками животных,

часть которых была рассредоточена по уездам либо транспортирована в южные губернии России. Основные же ведомства, занимавшиеся содержанием скота для нужд армии, располагались в Речице, Свислочи, Паричах, Игумене, Могилеве, Рогачеве, Быхове, Жлобине, Калинковичах, Юровичах, Новобелице и Салтановке [7, с. 245–246]. Однако скопление скота в военных гуртах при продолжавшейся его реквизиция потребовали соответствующих запасов корма для их содержания. В этой связи к концу 1915 – началу 1916 г. кормовое хозяйство сельского населения, в том числе и крупных экономий, оказалось под угрозой разорения.

Не лучшим становилось положение промышленности. Командующий Западным фронтом генерал А. Эверт не исключал возможности дальнейшего отступления русской армии. В этой связи местные власти ориентировались на готовность к эвакуации. В свою очередь 9 октября 1915 г. минским губернатором были отданы предписания для сельского населения по объявлении реквизиции «муку, зерно, фураж, скот, лошадей и повозки, за исключением одной коровы, одной лошади и месячного запаса продуктов и фуража на семью, передать интендантским службам» [1, с. 824]. То, что грозило попасть в руки врага, активно реквизировалось властями на нужды фронта. Так, по сообщению новгородского уездного предводителя, в местечках Мир, Еремичи и Городея с 23 сентября по 8 октября у населения были изъяты лошади, коровы, повозки, упряжь, веревки, овес, рожь, солома, всего на сумму 198 061 руб. 98 коп. [1, с. 824].

К концу года случаи разорительных для крестьянских хозяйств действий со стороны военных интендантов участились. В свою очередь гражданские власти были вынуждены жаловаться их вышестоящему командованию на произвол его подчиненных [1, с. 828–830, 833].

Белорусские аграрии оказались в сложном продовольственном положении, которое, по словам современника, усугублялось «неурожаем трав и хлебов». Характерно, что картофель, считавшийся одной из важнейших культур, даже в начале октября в большинстве владельческих хозяйств не был убран «в силу военных обстоятельств» [1, с. 827].

По донесению пинского исправника, «по случаю близости военных действий сельскохозяйственная жизнь совсем расстроена, лишь осталась забота о средствах прокормления себя, своего скота и лошадей» [8, с. 191]. Такое положение было свойственно сельскому хозяйству всех губерний второй половины 1915 – начала 1916 г.

Что касается промышленности аналогичного периода, то существовали свои особен-

ности. Начавшаяся эвакуация из зоны боевых действий летом 1915 г. потребовала огромной организационной работы властей. Командование предписывало им обеспечить обязательную отправку в тыл не только оборудования предприятий, но и материалов, «годных для военных надобностей» [1, с. 824].

Наплыв грузов на станции Минской, Могилевской и двух уездов Смоленской губернии был настолько большим, что 25 июля 1915 г. генерал Е. Рауш-фон-Траубенберг обязал привлечь мужское население в возрасте от 16 до 50 лет к разгрузочным работам [8, с. 239].

Из Варшавы удалось вывезти отдельные предприятия и расположить их в Минске (завод «Mlot», мастерские по ремонту казенных автомобилей), Новоборисове (карандашная фабрика), Гомеле (завод «Арсенал») и др. Из Слонима удалось вывезти станки самого крупного предприятия – проволочно-гвоздильного завода – и разместить их в Орше [7, с. 97, 118, 212]. В целом эвакуация заводского оборудования и материальных средств прошла неорганизованно, с большими потерями [8, с. 443]. Так, в м. Шавли германцам достались склады кожи, которую впоследствии они вывозили на автомобилях [9, с. 514]. В июле еврейские промышленники Беларуси выступили с просьбой «перевести нужные для армии промышленные предприятия во внутренние губернии» [10, с. 161]. Но этой просьбе не суждено было сбыться по причине закона о «черте еврейской оседлости». В результате многие предприятия так и остались в зоне оккупации либо сражений, в том числе в Сморгони, где до войны размещалось около трети всех кожевников и 30,8% производства кож [5, с. 84].

27 августа виленскому губернатору П. Верёвкину сообщили о разрешении главного начальника МВО на вывоз из Новогрудского уезда продовольствия и иных товаров [7, с. 130]. Эвакуировавшийся из Вильно в Минск Северо-Западный ВПК занялся сбором имущества, пригодного фронту в рамках губернии. В частности, здесь было объявлено о реквизиции всех выделанных кож, меди и медного оборудования закрытых заводов [1, с. 809]. Пока продолжала существовать угроза вражеского вторжения, не снижался спрос казенных предприятий тыла на шерсть, лен и дубильные вещества, в то время как еще к началу сентября большинство готовых к вывозу предприятий в губернии приостановило свою деятельность, а «их рабочие стали расходиться по деревням, либо уезжать в глубь России» [1, с. 810].

Созданная во второй половине августа эвакуационная комиссия при Минском губернском ВПК успешно выполнила свою миссию, орга-

низовав вывоз в глубокий тыл всех оборонных предприятий вместе с оборудованием и персоналом [1, с. 812]. Исключение составил механический завод Ф. Орловского в Новоборисове, занимавшийся изготовлением «бомб для бомбометов» [11, с. 14].

В начале 1916 г. губернские земства Беларуси были озабочены разработкой твердых цен на мясо и скот, а также новыми условиями проведения реквизиций. В соответствии с приказом Главнокомандующего Северным фронтом генерала А. Куропаткина от 7 апреля, следовало «прибегать к реквизиции только при полной невозможности приобретать необходимое путем добровольного соглашения». В случае необходимости таковая могла производиться только по распоряжению губернатора через посредство губернских и уездных управ с участием военных представителей. Главком также распорядился об ограничении объемов реквизиции с тем, чтобы в каждом крестьянском хозяйстве оставался один конь и на каждую семью из пяти душ две дойные коровы; в частновладельческих хозяйствах – один конь на каждые шесть десятин пахотной земли и 50% дойных коров от всего стада [12, с. 3–4]. Таким образом, при осуществлении заготовок предполагалось делать упор на добровольном участии в них всех владельцев продуктов, а также избегать разорительных реквизиций.

Военное командование также осознавало важность учета принципа добровольности при организации помощи фронту. Так, с конца февраля 1916 г. по согласованию начальника штаба Верховного главнокомандующего с Министерством земледелия население оповещалось о необходимости заготовки сена для фронта путем засева возможно больших площадей однолетними растениями, хлебными злаками и т. д., предназначенными на корм лошадям. Кроме того, всем желающим предлагалась задаток на семена и гарантированная закупка их урожая сена (по цене 1 руб. за 1 пуд) [13, с. 24].

В 1916 г. по сравнению с довоенным периодом количество лошадей в Минской губернии возросло со 155 600 до 165 800, в Могилевской – со 121 900 до 128 300, хотя в Витебской губернии их число снизилось со 120 700 до 114 300 [4, с. 125]. Однако та же Витебская губерния превосходила соседние Эстляндскую, Новгородскую, Псковскую по количеству крупнорогатого скота (585 100), свиней (435 077) и овец (406 100) [14, л. 32]. В целом же в Витебской губернии на один крестьянский двор приходилось 11,8, Минской – 9,6, Могилевской – 11,3 голов скота, в том числе лошадей, коров, овец, свиней [4, с. 131]. На одно помещичье хозяйство приходилось: в Витебской губернии –

16 голов крупнорогатого скота, в Могилевской – 17, в Минской – 21,2 головы. По выражению М. Довнар-Запольского, «мелким скотом оно не интересовалось» [4, с. 140].

Важнейшей акцией весны 1916 г. для белорусских земств являлась их организация мясных поставок фронту. Так, 9 апреля 1916 г. могилевский губернатор Д. Явленский сообщил генералу Рауш-фон-Траубенбергу о готовности губернского и уездных земств к реквизиции 69 657 голов крупнорогатого скота. Озабоченность губернатора вызывала необходимость более ответственного участия военных представителей в реквизиционных комиссиях, а также своевременная приемка интендантством гуртов из-за отсутствия фуража [15, с. 4]. По существовавшим в губернии нормам, до мая свободными от реквизиции на каждый крестьянский двор были: одна корова и по 30% молодняка, а для землевладельцев – одна корова на пять десятин пахотной земли и 20% имеющегося в хозяйстве молодняка [15, с. 36].

С 20 мая 1916 г. в приказе главкозапа А. Эверта, посланном на адрес минского, могилевского и других губернаторов МВО, «в целях более равномерного распределения тягостей реквизиции скота» вменялось в обязанность «оставлять в помещичьих хозяйствах одну голову крупного рогатого скота на десять десятин земли» [15, с. 32].

Нормативная база приобретения скота менялась и в дальнейшем. Так, приказом генерала А. Эверта № 758 от 28 октября 1916 г. от реквизиций освобождались хозяйства, принявшие скот на содержание по распоряжению военного ведомства и Министерства земледелия, а также содержавшие молочный скот в 30-верстном районе, прилегающем к Минску. Освобождались от реквизиции крестьянские дворы с одной парой лошадей или волов, одной коровой и 20% молодняка. Оставляли свободными от реквизиции помещичьи хозяйства с одной парой лошадей на каждые двенадцать десятин пахотной земли, одной коровой на каждые пять десятин такой же земли и по 20% от имеющегося в хозяйстве молодняка. Наконец, местной администрации вменялось в обязанность составить к 15 ноября 1915 г. описи скота, лошадей, фуража и кормовых средств, имеющихся у населения, для производства реквизиций [15, с. 124–124а].

В конце мая, с ведома генерала А. Куропаткина, начальник интендантского управления в целях устранения конкуренции при закупке скота в тыловом районе распределил весь Северный фронт на отдельные полосы соответственно расположению армий [12, с. 6]. То есть V армия в основном дислоцировалась на терри-

тории Витебской губернии и поэтому была местом деятельности ее интендантов. Но не всегда проблема решалась по решению «сверху». Так, при проведении реквизиции скота в Могилевской губернии выяснилось, что в уездах недостаток животных кондиционного веса, а также ощущается острая нехватка фуража. В этой связи Могилевская губернская земская управа в постановлении от 29 апреля 1916 г. заявила о том, что «выполнить наряд о реквизиции 70 000 штук в губернии не представляется возможным». В итоге губернская управа не сдала 19 715 голов скота и получила приказ Е. Рауш-фон-Траубенберга провести дополнительную реквизицию [15, л. 2, 26, 41].

Что касается выполнения военно-конской повинности, то еще с 1914 г. у населения обнаружилось резкое недовольство ею. Попытка власти заменить обязательность сдачи лошадей правом их продажи также не дало нужного эффекта. Между тем количественный рост вооруженных сил требовал усиления кавалерии, подвоза грузов и т. д., поэтому в ноябре 1916 г. военное командование обратилось к земствам с поручением взять на себя проведение реквизиций лошадей на нужды фронта [15, л. 131].

В Беларуси подавляющее большинство набираемых лошадей предназначались для артиллерии и обозов и в незначительной степени – для кавалерии. В своей массе породистые лошади по-прежнему являлись собственностью конезаводчиков, богатых людей и мобилизации не подлежали. В общем, потребность фронта в местных лошадях была незначительной. По этой причине, вероятно, в Могилевском уезде до конца 1916 г. было реквизировано только 4–6% всего лошадиного поголовья [16, л. 35].

На протяжении 1916 г. в сельском хозяйстве неизменно сохранялась проблема рабочей силы. По-прежнему в большей степени ее ощущали владельцы крупных имений. Для них ее усложняли постоянные мобилизации батраков и крестьян-военнообязанных, а также часто используемая властями трудовая повинность. Положение не спасал труд ни малочисленных военнопленных, ни «рабочих желтой расы» (то есть китайцев) [13, л. 144]. Жители деревни не соглашались работать в поместьях по низким расценкам и лучший заработок искали в городе, как правило, в организациях, обслуживавших фронт. В этой связи 30 мая 1916 г. главкосев генерал А. Куропаткин запретил вывешивать объявления о спросе и предложении труда с оплатой такового по ценам, превышающим установленную для данного района норму [17, л. 60]. 30 июня подобное объявление разместил генерал Рауш-фон-Траубенберг для населения округа, обязав под угрозой наказания всех неза-

нятых лиц в возрасте от 15 до 50 лет «поступить на сельскохозяйственные работы» [16, л. 139]. Со своей стороны, помещики Минской губернии в лице правления общества сельского хозяйства на октябрьском (1916 г.) заседании приняли решение требовать для своих рабочих отсрочки от призыва в войска [1, л. 847]. Но по-прежнему проблема засева полей и сбора урожая решалась усилиями земств, которые в своей работе с крестьянами опирались не только на силу приказа, но и на их человеческие и гражданские чувства.

Что касалось промышленной сферы, то в ней продолжала господствовать тенденция возможно полного ее (сферы) подчинения интересам обороны. В октябре 1915 г. и позже, даже после стабилизации Западного фронта, в белорусских губерниях продолжались мероприятия по эвакуации предприятий и некоторых видов сырья вглубь империи. В феврале 1916 г. на очередном съезде промышленников России член Омского ВПК Н. Буяновский с сожалением констатировал, что «евреям не разрешают перевезти кожевенные заводы из Западного края к нам, в Степной край, где есть обилие сырья и где все необходимые условия налицо» [9, л. 220]. Однако оставшиеся кожевенные заводы были особенно необходимы именно здесь, поблизости от основных потребителей их продукции. Кроме того, командование изучало любые возможности использования оставшихся предприятий. Так, в телеграмме минскому губернатору от 22 января 1916 г. со ссылкой на главнокомандующего запрашивались «точные сведения о различном рода заводах и складах (находящихся во вверенной вам губернии, уезды коих находятся на территории Западного фронта), материальная часть которых могла бы быть использована в боевом отношении» [11, л. 2]. В ответном рапорте от 28 января 1916 г. речичский исправник сообщил, что у владельца склада П. Рахмилевича находилось 25 пудов полосового железа, 3 пуда полосовой стали, 30 пудов перевязочной проволоки, 30 пудов чугуна (посуда) и 40 пудов разного размера гвоздей. Кроме того, в городе находились 4 лавки с подобным товаром [11, л. 17].

Как явствовало из рапорта фабричному инспектору от 26 января 1916 г., в Борисовском уезде «на нужды армии» могли быть использованы шесть лесопильных, два деревообделочных, один машиностроительный и один сахарный заводы, мельница в Смолевичах, две фабрики сапожных шпилек и аптечных коробок, две ремонтные мастерские [11, л. 2].

В ответ на запрос А. Чернявского от 29 февраля 1916 г. о наличии в уезде «фабрик, заводов и отдельных мастерских, изготавливающих

или могущих быть привлеченными к изготовлению инженерного имущества», все исправники, кроме речичского, дали отрицательный ответ [18, л. 5]. Чуть позже, 16 апреля последний сообщил уточненные данные. В числе предприятий, занятых выполнением военных заказов, были названы: проволочно-гвоздильный завод братьев Рикк, их же лесопильный завод, фанерная фабрика Магидсона, лесопильные заводы Моисея и Мордуха Френкелей. Сообщалось также, что мастерская Речичского ремесленного училища может принять заказ по изготовлению обозных двуколок и колес, ручек для шанцевого инструмента и палаточных распорочных палок. Спичечная же фабрика «Днепр» братьев Шишкиных выполнением военных заказов занята не была, а два лесопильных завода Магидсона и Залкинда бездействовали. 4 мая 1916 г. тот же исправник дополнил свой рапорт информацией о наличии в уезде еще одиннадцати лесопильных предприятий, в той или иной степени имевших военные заказы [11, л. 20, 26].

14 апреля 1916 г. полицеймейстер Бобруйска сообщил о наличии в городе двух заводов механических изделий, изготавливавших обозные двуколки для военного ведомства, а один из них был в состоянии изготовить за 6 месяцев 300 двуколок [18, л. 16].

19 апреля игуменский исправник в дополнение к предыдущему рапорту сообщил о наличии в деревне Тылковка Погостской волости деревообделывающего завода «Сильва», где изготавливались палаточные палки для военного ведомства [18, л. 22].

1 февраля 1916 г. главный военный техник фронта инженер-полковник Санников в обращении к губернатору А. Чернявскому запрашивал сведения о «всех существующих фабриках и отдельных мастерских, которые могут взять на себя изготовление ... обозных двуколок, колес, вьюков, кожаных изделий, сбруи, разного шанцевого, математического и рабочего инструмента, брезентов и разных парусинных изделий, всякого рода металлической проволоки, паровых и иных двигателей, тросов стальных, разного железнодорожного имущества, всякого рода станков и т. п.» [18, л. 1, 1 об.].

Такая же работа проводилась и в других губерниях. После эвакуации важнейших предприятий к началу 1916 г. в Витебской губернии число всех фабрик и заводов уменьшилось на 81 и составило 1252, количество занятых на них рабочих уменьшилось на 3205 и составило 7018. Так, в Дриссе насчитывалось всего 40 рабочих, Городке – 42, Лепеле – 48, в среднем по 3–4 человека на 1 предприятие. В губернии имелось 86 чугунолитейщиков, 765 кожевен-

ников, 560 кирпичников, 631 работников картоно-бумажного дела, 388 спичечников, 117 пильщиков, 202 щетинщика, 960 обработчиков льна, 882 мукомола, 130 бараночников, 99 табачников, 83 гончара, 102 изготовителя газовых вод [19]. Наиболее значимыми в оборонном значении предприятиями Витебска являлись две фабрики – табачно-махорочная А. Колбановского и льнопрядильная «Двина». Первая, в составе 180 рабочих (из них 30 мужчин), «обслуживала своим табаком не только население Витебской, Могилевской и части Псковской губерний, но и расположенные в указанном районе воинские части» [20, л. 190]. А вторая, с числом рабочих 1110 человек, вырабатывала нитки и по указанию Московского ВПК поставляла их на фабрики, ткавшие полотно для военных нужд [21, л. 54].

Ремесленники (индивидуалы и артельщики), а также кустари в меру своих возможностей изготовляли солдатские сапоги, колеса для телег и двуколки, шанцевый инструмент. 9 января 1916 г. Витебский губернатор Н. Галахов сообщал о возможности привлечь крестьян и беженцев Городокского уезда «к выработке для нужд армии топорищ и рукояток для лопат» [7, л. 749].

Но даже после эвакуации важнейших предприятий Беларуси в центральные губернии промышленный потенциал края хоть и уменьшился, но активно использовался, главным образом в интересах Западного и отчасти Северного фронтов. Отдельные заводы в меру своих сил выпускали продукцию, предназначенную как для армии, так и для населения (дрожжи, конфеты, табачные изделия, конверты и т. д.).

После организации в сентябре 1915 г. Западного фронтового комитета ВЗС дело материально-технической помощи армии значительно улучшилось. Созданный кожевенный отдел занялся оборудованием шорных и сапожных мастерских. Сформированные сапожно-починочные отряды починили 374 485 пар сапог [22, с. 11]. Осуществлялся сбор и обработка сырых шкур. Производственная мощность завода в Лунинце составляла в среднем 6000 овчин в месяц. Рабочие созданных при заводе шорных мастерских выделывали бараньи кожи. Для утилизации шерсти существовали войлочные мастерские [22, л. 86].

Лесной отдел занимался заготовкой строевого материала. В этих целях были построены пять больших лесопильных заводов в Речице, Рогачеве, Бобруйске и Новоборисове. До конца 1916 г. во фронтовом районе подобные заводы работали в Новодруцке, Борисковичах, Вилейке, Молодечно, Воложине и Ольховке, в тылу – пять заводов в Бобруйске, два – в Речице и по одному – в Гомеле, Рогачеве и Новоборисове.

На последнем лесопильном заводе было создано стружечное отделение, оборудованное 3 станками, рабочие которого с 1 августа до конца декабря 1916 г. произвели 8534 пудов стружки. Здесь же, в Новоборисове было налажено производство фанеры. При наличии 21 лесопильной рамы мощность заводов, принадлежавших ВЗС, позволяла ежедневно заготавливать до 21 вагона пиломатериалов [22, с. 111]. На удовлетворение потребностей железной дороги в стройматериалах и топливе работали два лесопильных завода и склад в районе Колодищ [23, с. 30].

Агрономический отдел занимался использованием брошенных имений или земель в сельскохозяйственных целях для нужд армии.

Строительство военных объектов (мостов, блиндажей, плотин, окопов) привлекло множество местных работников. В марте 1916 г. в строительных отрядах насчитывалось 3000 человек с 416 лошадьми. Особого размаха достигло строительство деревянных построек (бараков). Первые из них были сделаны в октябре 1915 г. в Бобруйске, затем их производство было налажено в Гомеле, а общее их количество в 1916 г. достигло 700 штук [23, с. 98].

Упадок в Беларуси кирпичного производства негативно сказывался на строительных работах, поэтому Комитету ВЗС пришлось наладить выпуск кирпича в Воложине и Минске [23, с. 11]. В Минске же работали механический завод, санитарно-технические мастерские и ремонтно-строительный отряд.

За время работы Комитета на периферии возникли и укрепились два его филиала – Бобруйский и Гомельский технические отделы. Их усилиями было создано 16 прифронтовых мастерских. К числу тыловых, лучше оборудованных машинами и станками, относились: починочно-транспортная мастерская в Бобруйске, чугунно-литейный и механический заводы с жестяной и кузнечной мастерской, а также транспортная и мебельная мастерские в Гомеле [23, с. 11–111]. Общими усилиями всех местных структур ВЗС фронтовики получали необходимое материально-техническое обеспечение, благодаря чему поддерживалась их обороноспособность.

Заключение. Таким образом, расхожее мнение, будто «война нанесла непоправимый удар по народному хозяйству края» [8, с. 98], на наш взгляд, сильно преувеличено. На деле экономика Беларуси переживала сложный период, характеризовавшийся еще большим, по сравнению с началом войны, использованием сельского хозяйства и промышленности для нужд армии, но при этом она продолжала выполнять свои функции. Оставшиеся неэвакуированными материальные ценности, в том числе и трудовые

ресурсы, использовались властями все более рачительно, с учетом интересов населения. Урожайность посевов, поголовье лошадей и животных по большому счету не пострадали. В 1916 г. реквизиции теряли свой разорительный характер и переставали быть единственным способом обеспечения армии. Тому способствовали приказы властей о соблюдении «твердых цен» на продовольствие и фураж и стимулировании их

продажи. Благодаря повышению спроса на сельхозпродукцию и рабочие руки положение основной массы трудящихся деревни улучшилось. Что касается промышленности, то основная ее отдача фронту нашла отражение в деятельности структур Комитета ВЗС Западного фронта, которые неизменно наращивали свою мощь по всей Беларуси, привлекая ее трудовые ресурсы к обороне страны.

Литература

1. Документы и материалы по истории Белоруссии. Том III / под ред. В. Н. Перцева. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1953. 1018 с.
2. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск: Харвест, 2003. 448 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Гродно. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 26.
4. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг. Минск: Изд-во Госплана СССР, 1926. 240 с.
5. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского. Минск: Изд-во Академии наук БССР. 1963. 424 с.
6. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 9017.
7. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 8539.
8. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). / М. В. Біч [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2005. 519 с.
9. Труды Второго Съезда представителей военно-промышленных комитетов 26–29-го февраля 1916 года. Вып. 2. Петроград: Тип. П. П. Гершунина, 1916. 663 с.
10. Труды Съезда представителей военно-промышленных комитетов 25–27 июля 1915 г. Петроград: Тип. П. П. Гершунина, 1916. 288 с.
11. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 9139.
12. НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Ед. хр. 6516.
13. НИАБ. Ф. 2089. Оп. 1. Ед. хр. 81.
14. НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Ед. хр. 6516.
15. НИАБ. Ф. 2089. Оп. 1. Ед. хр. 84.
16. НИАБ. Ф. 2089. Оп. 1. Ед. хр. 98.
17. НИАБ. Ф. 2499. Оп. 1. Ед. хр. 244.
18. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 9175а.
19. Витебский вестник. 1916. 20 октября
20. НИАБ. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 3246.
21. НИАБ. Ф. 2499. Оп. 1. Ед. хр. 319.
22. Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте. 1915–1917 гг. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1918. 228 с.

References

1. *Dokumenty i materialy po istorii Belorussii* [Documents and materials on the history of Belarus]. Vol. III. Ed. by V. N. Pertsev. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1953. 1018 p.
2. Lemke M. K. *250 dney v tsarskoy stavke. 1916* [250 days in an imperial rate.1916]. Minsk, Harvest Publ., 2003. 448 p.
3. National Historical Archives of Belarus (NHAB) in Grodno. Fund 361. I. 1. F. 26.
4. Dovnar-Zapolskiy M. V. *Narodnoye hozyaystvo Belorussii. 1861–1914 gg.* [National economy of Belarus. 1861–1914]. Minsk, Gosplan SSSR Publ., 1926. 240 p.
5. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma (1900–1917)* [Economy of Belorussia in the epoch of imperialism (1900–1917)]. Ed. by G. T. Kovalevskiy. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1963. 424 p.
6. NIAB. Fund 295. I. 1. F. 9017.
7. NIAB. Fund 295. I. 1. F. 8539.
8. *Gistoryiya Belarusi: u 6 t. T. 4. Belarus u skladze Rasiyskay imperyi (kanets XVIII – pachatak XX st.)* [History of Belarus: in 6 vol. Vol. 4. Belarus in the Russian Empire (late 18th – early 20th century)]. Minsk, Ekaperspektiva Publ., 2005. 519 p.
9. *Trudy Vtorogo S'yezda predstaviteley voyenno-promyshlennykh komitetov 26–29-go fevralya 1916 goda* [Works of the Second Congress of representatives of military-industrial committees on February 26–29, 1916]. Vol. 2. Petrograd, Tip. P. P. Gershunina Publ., 1916. 663 p.

10. *Trudy S'yezda predstaviteley voyenno-promyshlennykh komitetov 25–27 iyulya 1915 g.* [Works of the Congress of representatives of military-industrial committees on July 25–27, 1915]. Petrograd, Tip. P. P. Gershunina Publ., 1916. 288 p.

11. NIAB. Fund. 295. I. 1. F. 9139.

12. NIAB. Fund 2508. I. 1. F. 6516.

13. NIAB. Fund 2089. I. 1. F. 81.

14. NIAB. Fund 2508. I. 1. F. 6516.

15. NIAB. Fund 2089. I. 1. F. 84.

16. NIAB. Fund 2089. I. 1. F. 98.

17. NIAB. Fund 2499. I. 1. F. 244.

18. NIAB. Fund 295. I. 1. F. 9175a.

19. *Vitebskiy vestnik* [Vitebsk messenger]. 1916. Oktober, 20.

20. NIAB. Fund 2496. I. 1. F. 3246.

21. NIAB. Fund 2499. I. 1. F. 319.

22. *Kratkiy obzor deyatel'nosti Vserossiyskogo zemskogo soyuza na Zapadnom fronte. 1915–1917 gg.* [Short activities overview of the All-Russian territorial union on the Western front. 1915–1917]. Moscow, Tovarischestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1918. 228 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 14.09.2018